

Ф. Степун

Николай Переслегин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ф11

Ф11 **Ф. Степун**
Николай Переслегин / Ф. Степун – М.: Книга по Требованию, 2021. – 418 с.

ISBN 978-5-458-78340-8

ISBN 978-5-458-78340-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ I

Флоренція 3-го августа 1910 г.

Наталья Константиновна, проходя сегодня мимо почтоваго ящика, я вдруг остро почувствовалъ всю невѣроятность того обстоятельства, что, покинувъ Москву болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, я все еще не написалъ Вамъ ни одного письма.

Придя домой, я сѣлъ за письменный столъ, надѣясь, что нахлынувшія на меня воспоминанія о нашихъ безконечныхъ бесѣдахъ освободятъ меня наконецъ отъ нѣмоты моего одиночества, — но вотъ я уже съ часъ смотрю въ окно и не могу начать писать.

Нѣтъ во мнѣ сейчасъ дара письма, какъ не оказалось бы вѣроятно, если бы мы съ Вами неожиданно встрѣтились гдѣ-нибудь здѣсь во Фіезоле, и того дара бесѣды, которому Вы бывало такъ искренне, и все-же не безъ улыбки сожалѣнія удивлялись во мнѣ.

Да, несмотря на всю мою безконечную благодарность Вамъ за то, чѣмъ для меня было въ ужас-

ные мѣсяцы послѣ Таниной смерти Ваше умное молчаніе и живое спокойствіе, я Вамъ сейчасъ не могу писать. Почему? Если-бы знать, почему, можно было-бы вѣроятно уже и писать....

Плохо я себя чувствую въ послѣднее время: не могу уйти отъ себя и потому не могу притти въ себя; вѣдь это страннымъ образомъ одно и то же. Вокругъ цѣпенѣющаго въ душѣ одиночества все время мечется какая то глухая тревога. Такъ хочется живой бесѣды съ Вами, а письмо такъ упорно не пишется. Ну, какъ нибудь начну, а тамъ, какъ знать, можетъ быть, послѣ нѣсколькихъ писемъ мы и договоримся до чего нибудь болѣе существеннаго; у меня есть многое на душѣ, а можетъ быть и на совѣсти, что хотѣлось бы сказать, въ чемъ хотѣлось бы покаяться Вамъ...

Я помню свой первый пріѣздъ во Флоренцію, помню, какъ цѣлыми днями бродилъ по площадямъ и музеямъ, какъ ночами простаивалъ у залитыхъ луннымъ свѣтомъ стѣнъ, среди закутанныхъ въ свои черные плащи кипарисовъ, блаженно освобожденный прекрасною прозрачною четкостью Италіи отъ мучительной безформенности и пѣвучей мечтательности моихъ русскихъ настроеній.

Въ мой первый пріѣздъ я страстно полюбилъ Италію, въ нынѣшній второй, я заподозрилъ эту любовь въ чемъ то грѣшномъ и ложномъ, въ какомъ то предательствѣ. Не кажется ли Вамъ, Наталья Константиновна, что въ Европѣ нѣтъ странъ болѣе далекихъ другъ другу, чѣмъ Россія и Италія? Не кажется ли вамъ, что горячая любовь русскихъ

къ Италиі, повторяющаяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляетъ собою типичное явленіе «любви къ дальнему», любви, въ которой на мой слухъ постоянно присутствуютъ мораль, педагогика, врачеваніе, — всѣ тѣ элементы, что такъ досадно принижаютъ скорбную красоту артистической мысли Ничше.

Можетъ быть, я сейчасъ потому такъ упорно борюсь противъ цѣлительнаго вліянія Италиі, что исцѣлиться отъ своей тоски означало бы для меня предать и забыть самое дорогое, что у меня осталось въ жизни: — Танину могилу...

Нѣтъ, Наталья Константиновна, не хочу я сейчасъ ни забвенія, ни исцѣленія; не хочу ѣхать въ «вѣчный Римъ» и искренне люблю во Флоренціи лишь треченто, да томящій душу и тѣло сирокко.

Пока всего хорошаго. Скоро постараюсь писать еще.

Съ душевнымъ привѣтомъ

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 10 августа 1910 г.

Странно, Наталья Константиновна, но мнѣ совершенно чужды окрестности Флоренціи. Онѣ очень красивы, но въ нихъ совершенно нѣтъ живой природы. Я хочу сказать, что въ тосканской природѣ нѣтъ того, что изъ за cadaго плетня смотреть на Васъ со скудныхъ русскихъ полей: — живой человѣческой души. Тосканскій пейзажъ совсѣмъ не

собесѣдиикъ, а въ себѣ замкнутая нѣмая композиція. Всего только «очей очарованіе», онъ не проливается въ душу, но противостоитъ душѣ. Всякая человѣческая душа — порывъ въ безконечность, а тосканскій пейзажъ, законченностью своихъ формъ, весь устремленъ къ кругу. Но убѣгающую въ безконечность прямую нельзя слить съ кругомъ. Законъ ихъ общенія — всего только законъ касанія. Точкою соприкосновенія моей души и тосканской природы было вѣроятно лишь то въ сущности поверхностное наслажденіе, которое мнѣ доставляла декоративная прелесть флорентійскаго вида.

Сейчасъ даръ такого наслажденія притупленъ во мнѣ и я часто возвращаюсь съ прогулокъ къ себѣ въ комнату и сажусь читать Чехова или Достоевскаго. Если бы Вы знали, какъ иной разъ хочется выйти на родной калужскій трактъ, взглянуть на бурый откосъ надъ Окой, на сѣрыя нахохлившіяся избы, затканныя косыми нитями безпросвѣтнаго осенняго дождя.

Живу я здѣсь въ маленькомъ пансіонѣ; въ немъ останавливаются почти исключительно ученые и художники. Содержитъ его не очень молодая, странная, милая, и, кажется, глубоко несчастная русская барыня, Екатерина Львовна Скопина.

Говоритъ она почти всегда по французски, жестикулируетъ по итальянски, но зато молчитъ въ своемъ большомъ оренбургскомъ платкѣ за маленькимъ мѣднымъ самоваромъ, какъ то глубоко по русски. Такъ молчатъ на Руси старые каменные столбы при вѣздахъ въ заброшенныя усадьбы. У

нея восковое, изнуренное лицо, большіе прекрасные глаза, цвѣта зеленыхъ водъ Перуджиновскихъ озеръ и прелестная, черноглазая, семилѣтняя дочь итальянка, которая рисуетъ изощренно, какъ Сомовъ и со дня на день все больше и больше привязывается ко мнѣ.

Кромѣ меня въ пансіонѣ живетъ знаменитый нѣмецкій профессоръ, изъ породы тѣхъ часто встрѣчающихся въ Германіи глубокихъ знатоковъ итальянскаго искусства, одинъ видъ которыхъ потрясаетъ всякаго Facchino своей эстетической неприемлемостью, парижскій скульпторъ, похожій на вѣнскаго коммивояжера и жена извѣстнаго мюнхенскаго писателя, публициста и переводчика французовъ, пышная старѣющая львица, съ сумрачной чувственностью въ крови и внушенными мужемъ эротически мистическими терминами на устахъ; въ концѣ концовъ глубоко современная и мало интересная женщина, размѣнявшая свою жизнь на значительные пустяки и превратившая свою судьбу въ хранительницу музея своихъ незабвенныхъ мгновений и изысканныхъ переживаній. Она ждетъ своего мужа и, кажется, сильно озабочена, какъ бы ея послѣдній Остендскій романъ не оказался менѣе интереснымъ его парижскихъ приключеній, которыя онъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ «охарактеризовалъ», какъ совершенно исключительныя по своему сюжету.

Недавно я пробесѣдовалъ съ нею цѣлый вечеръ. Съ двойнымъ увлеченіемъ преданнаго ученика и развращенной жены, развивала она главную

мысль новаго романа своего мужа, что ложь современнаго брака состоитъ исключительно въ томъ, что онъ основанъ на совершенно неправильномъ толкованіи вѣрности. Вѣрность не должна, видите-ли, лишать супруговъ многообразія эротическаго опыта, а должна всего только вносить въ богатство этого опыта начало цѣльности и законмѣрности.

Что Вы скажете, Наталья Константиновна, обо всемъ этомъ? Думаю, что для Васъ эта утонченная психологія европейскихъ культуртрегеровъ рѣшительно неприемлема. Что же касается меня, то дѣло обстоитъ много хуже. Мысль *Bärens'a* кажется мнѣ если и не правильной, то все-же намекающей на какую то подлинную проблему современной жизни.

Буду очень радъ, если Вы напишете мнѣ нѣсколько словъ. Привѣтъ Вамъ и Алексѣю.

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 16-го августа 1910 г.

Послѣднее время, сидя въ *Uffizi* очень много думалъ о Васъ, Наталья Константиновна. Очевидно потому, что между Вами и возрожденскимъ чувствомъ жизни есть какая то очень тонкая, но глубокая связь, надъ которой Вы, смотря на висящія въ Вашей комнатѣ фотографіи фра Анжелико, Гоццолли и Гирляндайо, врядъ ли когда-нибудь задумывались.

Вамъ это, быть можетъ, покажется страннымъ, но я безконечно любилъ бывало смотрѣть, какъ Вы занимаетесь самыми простыми вещами. Если

бы Вы знали, какъ Вы изумительно чистите яблоки, ѣдите шоколадъ, накрываете чайный столъ, вышиваете бисеромъ, быстро и увѣренно клеите разбитое стекло, (помните Вашу разбитую мною чашку?) и такъ особенно накидываете себѣ на плечи голубую персидскую шаль. Если бы Вы меня спросили, въ чемъ собственно заключается сущность этой изумительности, то я сказалъ бы, что она таится въ обнаруживаемой Вами во всѣхъ этихъ ежедневныхъ занятіяхъ радости бытія, глубокой дружбы со всѣми вещами, какой то конкретной, осязающей любви къ ихъ многообразнымъ обличьямъ.

А вѣдь въ этой любви корень возрожденскаго чувства жизни и всѣхъ живописныхъ особенностей квадроценто!

Вы не повѣрите, какъ цѣлительно было для меня, который не разъ то по Канту познавателью истончалъ, то по Тютчеву мистически погашалъ внѣшній міръ, созерцаніе Вашихъ дѣятельныхъ рукъ въ ихъ дружескомъ общеніи съ самыми разнообразными вещами будничнаго обихода.

Однако я съ ужасомъ замѣчаю, что началъ славословить любовь къ дальнему и противоположному, которую раньше хулилъ за ея вражующій характеръ.

Можетъ быть противорѣчіе, въ которое я впалъ, полно глубочайшаго смысла, — но объ этомъ когда нибудь вполслѣдствіи...

Вашъ Николай Переслѣгинъ.

Флоренція 21 августа 1910 г.

Большое Вамъ спасибо, Наталья Константиновна, за Ваше письмо. Какъ только началъ читать его, сердцу сразу стало такъ тепло и покойно отъ бережнаго прикосновенія Вашихъ умныхъ рукъ.

Чувствую я себя по прежнему скверно. Охотнѣ всего сидѣлъ бы кажется дома. Но несмотря на это желаніе цѣлыми днями слоняюсь по церквамъ и музеямъ. Зачѣмъ я это дѣлаю, мнѣ самому не совсѣмъ понятно. Такъ, тяготѣеть надъ душой какой то нелѣпый долгъ постоянной работы, какая то боязнь простой, свободной жизни.

Передъ твореніями многихъ славныхъ мастеровъ я откровенно скучаю и единственный художникъ, чьи картины полны для меня безконечнаго очарованія, это конечно Боттичелли.

Въ его «Мадоннахъ утратившихъ небо» и его Венерахъ забывшихъ о землѣ, такъ прекрасна, тревожна и задумчива первая послѣ долгой средневѣковой разлуки робкая встрѣча духа и тѣла. Плѣнненному духу душно и тѣсно даже и въ прекраснѣйшихъ женскихъ тѣлахъ, и потому, нарушая ихъ идеально земныя пропорціи, онъ такъ страстно вытягиваетъ ихъ въ пѣвучей тоскѣ. Я не знаю художника болѣе близкаго современности, чѣмъ Боттичелли; не знаю творчества глубже взволнованнаго противоборствомъ духа и тѣла, чѣмъ творчество Боттичелли.

Вскинутыя кисти рукъ его женскихъ образовъ

не то что-то благословляютъ въ мірѣ, не то отстраняютъ этотъ міръ отъ себя. Легчайшія касанія нѣжнѣйшихъ пальцевъ грацій *Primaver*'ы таинственно исполнены не только дѣвичьей нѣжности, но одновременно и женской вражды. Самыя взволнованныя движенія тѣлъ Боттичелли какъ бы стремятся замереть въ сонambuлическомъ оцѣпенѣніи, но и въ полной неподвижности образы его кажутся еще исполненными какой-то еле видимой музыкальной вибраціи. А дѣвичьи и ангельскія души, что смотрятъ на насъ съ полотень Боттичелли, развѣ это не звѣзды Новалиса:

«*Herrliche Fremdlinge*
«*Mit den sinnvollen Augen,*
«*Dem schwebenden Gange*
«*Und dem tönenden Munde...*

Между прочимъ на дняхъ къ намъ прибылъ блудный сынъ классическаго романтизма, тотъ знаменитый *Bruno Bärens*, о которомъ я послѣдній разъ писалъ Вамъ.

Безукоризненно одѣтый, высокій, худой, съ бритымъ, усталымъ, актерскимъ лицомъ, онъ цѣлый вечеръ сверкалъ своими парадоксами на модныя темы любви, брака, измѣны. Къ тому, что я зналъ отъ его жены, онъ прибавилъ немного. Но все же его формулировки были занятнѣе, острѣе.

«Единственная женщина, которую онъ всю жизнь любитъ это его жена, потому что въ ней

единство образовъ всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ ей постоянно измѣняетъ».

«Его жена, конечно, не вѣрная женщина-другъ (какая безвкусица) — да и вообще не живое лицо, но лишь несмѣняемый эпиграфъ ко всѣмъ изживаемымъ имъ эротическимъ авантюрамъ: — арлекиндамъ, идилліямъ и сонетамъ».

Ревности онъ не признаетъ, ибо «предѣльное зло измѣны, — убійство сотворенной любви, есть одновременно и величайшее добро: призывъ къ новому творчеству. Подлинный же художникъ лишь тотъ, кто вѣчное творчество любитъ больше законченныхъ твореній».

Не скажу чтобы эти мысли были новы, но отдавая дань справедливости *Bârens'у*, долженъ признать, что онъ разсыпалъ ихъ съ блескомъ и самоувѣренностью, придававшимъ имъ печать свѣжести и оригинальности. При всемъ этомъ онъ однако отнюдь не производилъ впечатлѣнія подлиннаго мастера: творца своей жизни. Напротивъ, отъ всѣхъ его словъ вѣяло наивностью профессиональнаго литератора, любящаго свою жену и свои измѣны, какъ душу, сюжетъ и даже доходъ своихъ книгъ, не могущаго ни на минуту допустить мысли, что печатаніе книгъ вещь, быть можетъ, совсѣмъ маловажная, и что жену надо любить просто: любить-имѣть какъ свои глаза, которыхъ никогда не видишь, но которыми на все смотришь.

Ну, Наталья Константиновна, надо кончать. Еще разъ большое спасибо Вамъ за Ваше письмо.